

На следующий день Петуния перехватила Гарри, когда тот, как всегда, собирался готовить завтрак. — Тебе... больше не нужно готовить для нас, — бросила она, голос её был холоден и жесток. — И убираться в доме тоже не надо, разве что навести порядок в своей комнате. Но я была бы признательна, если бы ты продолжал ухаживать за садом. Я не умею обращаться с газонокосилкой и триммером. Гарри выглядел озадаченным, но кивнул. — Хорошо, тётя Петуния. Может, мне пока вернуться в свою комнату? — Нет, присаживайся. Ты можешь позавтракать, пока я не позвала Даддикинса поесть, — отрезала Петуния, не глядя на него. Она поставила хлеб в тостер, а на плиту — сковороду с беконом. — Твой наставник купил тебе сундук. У тебя есть замок для него? Гарри покачал головой. — Нет, только замок на самом багажнике. Почему? Губы Петунии сжались в тонкую линию. — Он рассказал тебе о твоих родителях, я так понимаю? Гарри разрывался между растерянностью от её поведения и злостью на ложь, которую ему говорили всю жизнь. — Да, это так. — Мы не хотели, чтобы ты знал. Мы надеялись, что есть небольшой шанс, что ты вырастешь нормальным и никогда не узнаешь. Но раз уж ты один из этих уродов... что ж, — Петуния поставила перед ним тарелку с двумя кусочками тоста и одним ломтиком бекона. — Через несколько дней после того, как тебя оставили здесь, принесли коробку с тем, что удалось спасти из их дома после случившегося. Я собиралась сжечь её, но она отказалась загораться. Поэтому я повесила её на чердак. Я бы предпочла, чтобы в доме не было ничего из этого уродства, но... вы вполне можете взять то, что в ней находится. Сходи за ним, пока мы с Дадли в церкви, и проследи, чтобы все, что в нём, было убрано в багажник до нашего возвращения. Я не хочу, чтобы он увидел то, что в ней может быть. Коробка довольно маленькая, так что если в ней есть что-то, что ты хочешь обсудить с наставником, можешь положить это в школьный портфель и взять с собой в следующую субботу. Гарри чуть не подавился своим тостом. Тётя Петуния отдавала ему вещи, принадлежавшие его родителям? Он сглотнул, а затем кивнул. — Спасибо, тётя Петуния. — Убедись, что все ненормальное останется за пределами видимости, — огрызнулась она. — И поскольку, как я понимаю, ты теперь получаешь карманные деньги, завтра первым делом сходи и купи замок для своего сундука. Я помню, как твоя мама однажды демонстрировала свои чудачества нашим родителям, заставляя чайные чашки отращивать ножки и бегать вокруг стола. Я хочу быть уверена, что у них не вырастут руки и они не смогут сами отпереть твой сундук и сбежать. Она вышла из кухни и направилась к лестнице. — Диддидумс, — позвала она. — Мамочка ждет тебя к завтраку, дорогой мой. Гарри поспешно запихнул в рот последний кусочек своего завтрака. По какой-то причине утром ему досталась дополнительная порция еды, и он не собирался давать кузену шанс испортить её. Он тщательно вымыл тарелку и поставил её в посудомоечную машину, прежде чем выйти из кухни, и сумел сбежать обратно вверх, отделавшись лишь одним полусерьезным шлепком по руке от Дадли, когда они проходили мимо друг друга в коридоре. Пока тётя и кузина завтракали, он завершил трапезу пакетом моркови с хумусом для макания, а затем устроился на кровати, чтобы начать читать книгу о технике медитации. Через некоторое время Петуния открыла ему дверь. — Мы идём в церковь, — сказала она ему. — Помни, что я тебе говорила. Не говоря больше ни слова, она повернулась и направилась вниз по лестнице. Гарри бросился к окну, едва дыша от волнения. Он собирался увидеть то, что принадлежало его родителям! Но чтобы подстраховаться, он подождал, пока не увидел, как машина выезжает на дорогу, и только после этого вышел из своей комнаты и взял стремянку, чтобы дотянуться до шнура и открыть люк на чердак. Он усмехнулся про себя, когда понял, насколько маленьким был люк. Неудивительно, что тётя Петуния спрятала шкатулку здесь, когда не смогла её сжечь: дядя Вернон был бы слишком толстым, чтобы пролезть в отверстие, и, как только шкатулка скрылась бы из виду, он бы решил, что её уничтожили. Найти её тоже не составило труда, поскольку это был единственный предмет. Он поспешил отнести её в свою комнату и не пожалел времени, чтобы как следует закрыть люк и вернуть стремянку на место, прежде чем вернуться в свою комнату. Глубоко вздохнув, Гарри открыл коробку. Сверху лежала откидная рамка с двумя фотографиями. К его изумлению, фигуры на них двигались! Первая фотография была

свадебной: молодой человек в продолговатых очках и с черными волосами, как у него, обнимал миниатюрную женщину с огненно-рыжими волосами и изумрудно-зелеными глазами, как у него. Они оба повернулись, чтобы посмотреть, улыбнуться и помахать рукой, когда он впервые открыл рамку. На другой фотографии та же пара с гордостью демонстрировала новорожденного ребенка с копной черных волос. Его родители! Но, помня о том, что тетюшка просила спрятать все в сундук до ее возвращения, он не мог рассматривать их так долго, как ему хотелось бы. В шкатулке было больше вещей. Следующим он достал крошечный бархатный мешочек, в котором лежали три кольца: мужское обручальное кольцо из тяжелого золота и такое же женское, на обоих выгравировано "JP & LE, 21 июня 1979 года", и совершенно изысканное антикварное золотое кольцо филигранной работы с семью камнями – бриллиантом, изумрудом, аметистом, рубином, изумрудом, сапфиром и топазом. Очевидно, это были обручальные кольца его родителей, а второе кольцо, должно быть, носила его мать, когда они умерли. Он задумался, нет ли в этом кольце чего-то особенного, но пока отложил этот вопрос в сторону, чтобы покопаться в шкатулке поглубже. В другом крошечном бархатном мешочке лежало единственное, очень толстое и тяжелое мужское кольцо из красного золота с круглой плоской вершиной и вырезанным на ней рисунком. Это было похожее на дракона существо с двумя распростертыми крыльями и двумя ногами. Гарри показалось, что он узнал в нем печатку; возможно, это был фамильный герб Поттеров? Во время вчерашнего визита на Диагон-аллею он заметил, что в мире волшебников до сих пор используются перья, пергамент и даже сургуч, так что эта идея не казалась ему слишком надуманной. Он сунул кольца обратно в соответствующие мешочки и двинулся дальше. Следующим предметом был фотоальбом с прорехой в кожаной обложке. Он отложил его в сторону. На дне коробки лежали два предмета, завернутые в слои газет, и довольно длинный и узкий деревянный ящик. Гарри, с трепетом разворачивая пожелтевшие газетные листы, обнаружил в первом свертке изящную лилию, вырезанную из лунного камня, и оленя с ветвистыми рогами, созданного из тигрового глаза. В другом лежали волк из серого гематита и гончая, отливающая блеском. Время неумолимо поджимало: тетя Петуния вот-вот вернется из церкви. Гарри, с замиранием сердца, открыл узкую коробочку. На шелковом ложе покоились две палочки. Одна, длинная, из красного дерева, такого же глубокого оттенка, как мебель в столовой. Вторая, теплая и бежево-белая, была ему незнакома. Он жаждал прикоснуться к ним, почувствовать связь с родителями. Но, вспомнив предостережение Стивена о следящих чарах, наложенных на дом, Гарри закрыл глаза и захлопнул крышку. Не хотелось рисковать и привлекать нежелательное внимание. Палочки подождут следующей недели, когда Стивен заберет его. С почти религиозным благоговением Гарри упаковал все в багажник. В следующие выходные он обязательно возьмет с собой и фотоальбом. В субботу Стивен подъехал к дому, и Гарри, сжимая в руках старый рюкзак, уже ждал. — Привет, Стивен, — бросил он, забираясь в машину. — Привет, Гарри, — улыбнулся Стивен, но его улыбка быстро сменилась нахмуренным взглядом. — Откуда у тебя этот синяк под глазом? Гарри пожал плечами. — Дадли решил, что я виноват в том, что тетя Петуния теперь покупает только один вид мороженого. Из-за меня дядя Вернон умер, и теперь у тети Петунии ограниченный бюджет. — Как будто он знает, что такое бюджет, — фыркнул Гарри. — Да, и еще я виноват в том, что у него не было двадцати пяти подарков на день рождения. Дядя Вернон умер прямо перед его днем рождения. Самое забавное, что Дадли, кажется, даже не скучает по отцу. Он скучает только по подаркам.